

Пчѣлы
рассвета

Надежда
Жандр

Сборник стихотворений

Надежда Жандр

Пчёлы рассвета

Сборник стихотворений

MOZ
VAASA 2009

© Nadezda Zhandr
Illustrations by B. Petrushansky
Printed in Finland
WAASA GRAPHICS OY 2009
Vaasa

Ночная дорога – дыхание путника.
Далёкий фонарь – всё, что есть.
Иголками серыми воздух предутренный
наколет желейную взвесь
белёсого ока – молчанья бездонного,
зрачка в катаракте луны.
И тихим песком зашевелятся, волнами
слова, что свободой больны.
И ветер упором всевластья, насилья
не сможет стены возвести.
Не нужен мне посох, не нужны мне крылья:
ах, только б идти да идти!

Из пустоты стеклянными дворцами,
нежданной и ненужною свободой
ты одиночество моё воздвигнешь.

В круженье каруселей – сны,
шарманки нежное сиротство,
мохнатых бражников хмельных
у губ щекотка. Ужас роста:
то расставляет ловчий-мрак
силки с вишнёвым ритуалом,
то растворяет кофе страх
под безразмерным одеялом,
и бледно-розовый венец
роняет лунное затмение,
и странным кажется конец
в песке немного пробужденья.

Неутолённый взгляд ночных зеркал,
впитавших шорохи нутром послушным.
Среди теней во тьме себя искал
твой голос влажный, поцелуй воздушный.

И серым войлоком прикинулся металл
неузнавания, гипноза, отчужденья.
Кошачьих глаз сиреневый опал
метался ледовитым наважденьем

по розовым мозолям детских звёзд,
по кафелю расколотого неба,
и пел сверчок о том, как сон пророс
в проём пустот, где была цветёт и небыль

Разложим комнату на части сонных числ,
в пространстве бытия полузабытых планов,
и в глубине беспомощных обманов -
воображения архитектурный смысл.

То построения готический излом
пронзает пиками немой застывший берег.
В предел пределов сможем ли поверить? -
И бредим им, и утопаем в нём...

Зачем, скажи, пространные леса
чарующего, медленного звука
от звона созданы, гудения и стука,
ломающего дверь и небеса?

И вот уже - бессмертник не цветёт,
и снова гривы табуна ночного,
как Он сказал: беспмятствует слово,
но память - свет. И больше, чем полёт.

И рыба-солнце уплывает
туда, где снов чернильных тишь,
туда, где бледные лучи
в краю ресничном Навзикаи

по телу странника морей
в бессвязном шёпоте прибоя...
Скажи мне, море, что такое
летучий список кораблей?

Открылась синяя тетрадь.
И пальцев ломкое свечение
коснулось волн. И - вдохновенья
легла прозрачная печать.

Ракушек скорлупу перетираю – хруст,
порез об острый край – загадка хиромантам.
Мой домик меловой и полый чист и пуст:
картавым голубям надёжная приманка.

От белизны сужается зрачок,
куриный ультразвук в движенье вёртких крыльев.
Вдыхает аллергично звездочёт
труху от перьев? Взвесь алмазной пыли?

И, запертая, мечется душа,
и заплетаются морщинистые лапки,
и вечность теплится и тает не спеша,
и на ладони капает украдкой.

Снежный наст испещрён письменами –
это птицы, воркуя, ходили,
семена подо льдом оставляли.

Это тонкой иголочкой хвойной
лист коричной прозрачной берёзы
занесён под стекло ледовое.

Это вздохи седого вельвета –
иней в зелени мха молодого
влажной искрой на солнце играет.

Рассматриваю руки на свету.
Они огнём и кровью пламенеют.
Пергамент кожи сохранил на время
те письма, которые читать
умею. И поэтому ладони
так робко раскрываю, подношу
сочувствию глубоких глаз.

Что видеть и чему внимать стремлюсь?
Тому ль, что пальцы тонкими слезами
И лёгкой дрожью просьбы иль мольбой
касаются пространства? Воздух слышит
и чувствует моё прикосновение.

Чем внешний отвечает мир
на исповедь, возникшую спонтанно
из капель воска нежных пальцев-свеч?...

«Где Дании краса и королева?» -
Молчание...

Зажгу собой от света
среди людей, которых так немного,
лучину вечности!
Средь тьмы смотреть мы станем
глазами, отрешёнными от лжи,
пронизывая хаос несловесный
собой. Душой оберегая Бога,
усиливая нежность и рассвет,
увидим в глубине себя небесной
несущими Божественное Слово
в ладонях наших книг, в страницах рук... Иль нет?...

Растраченный в долине плача
закатно-неусыпный образ,
забытый, сотканный из ветра
старинный, первобытный голос,

ищу тебя. Рыбачьи сети,
зеркал глубинная прохлада,
звериной нежности услада,
полёт столетий.

Кто научит меня летать?
О, я возьму весь голубой воздух
и жир философского камня,
и нечто сверхзвуковое,
сейчас недоступное.

И мне не надо будет
иного способа познания,
кроме Провидения,
качающегося на волнах,
идущего по волнам,
струящегося светом.

Двенадцать лет угодница душа
в заплаканных одеждах ворожила,
и власть её, покуда вечный странник
по кругу ходит – вечно пребывает.

Атласом алым в шёлке водопада
скользит рука с зелёными камнями
и перстнем указательным диктует
возникновение молниеносных знаков.

И конницы вселенской лёгкой рати,
врываясь сквозь решётку подземелья
осколками витражных звонких стёкол,
клубятся дымом в золоте камильниц.

На том стоим, тем дышим, тем играем,
что в просторечье музыкой зовётся,
чьи струны – седина, смычок пугливый
лобзает душу, но ломает пальцы.

Для чтения в темноте нужна мне скрипка,
для слуха тонкого – прозрачная природа,
для осязания – небесного ковбоя
ночное немигающее стадо.

Задумал тайну – выпусти на волю
то, что держало крепко взаперти,
то, ключ чего заброшен был и в центре
лагуны жизни – дай ему проснуться
и ускользнуть в дорогу бездорожья,
где нет того, что мы привыкли видеть.

По телу – лисы лепестков тумана...

Светало... Розенкрейц,
ещё не воплощённый,
склонил своё лицо...
И весь ты был – опал,
ко свету причащённый,
как око и яйцо,
как розовая мысль,
как облако и жёлтый,
роскошный жёлтый глаз!
Ликуя и шумя,
от ветра – шёлк, и шёл ты,
воздушный, - первый раз!

Как элементы
рыцарских доспехов
воздушных, облачных...
и лезвие реки...
мы так легки,
поднявшись над собой.
По гладкой лестнице –
и тоньше льда она?
Иль будто из воды
стремительных потоков?
И розой – сердце из груди
в зардевшей петлице,
и каплями – вина...

Небесных свеч загадочны огни
Но что же Боги Судеб начертали
в потоках света? Радужные дни
или туманные века своей печали?

И океан волной тяжёлых век
скрывает тайну. Глубиной безмерной
его душа задерживает бег
слепого времени и смерти верной.

И не восстанет плоть великия Земли,
обласканные ветром, тихо горы
седым дыханием себя превозмогли
и кровью огненной не опалили взоры.

Голубизна меж тающих снегов
и линиями айсберга стального.
Покой в каплях льда. Забытых слов
полёт и пение: всё повторится снова.

Пульсация глазного дна. Ещё.
Гляжу: то скараabei катят солнце.
Тогда в вино жемчужину небес,
В закат мускатный нежно опускаю
И повожу тяжёлой алой кистью.

И вот, сижу я в тесноте телесной,
с моей улыбкой в зеркале кривом,
где обрамленьем служат птичьи перья
и думаю: зачем мне этот дом,
где празднует весёлый Папагено?
где звук волшебной флейты, отражённый
в египетские рифмы Пифагора –
сгущённой мысли видимый субстрат
и осязаемый? - Он, может, нужен Богу,
чтоб тот сумел меня предостеречь,
когда на гладь воды поставлю ногу.

Капуцины снуют, бисер собирают,
лапки потирают.
Это что, орден? – Орден, орден.
Капюшоны серые, у запястья – чётки,
мордочки кротки.
А это что? Хвостик? – Хвостик, хвостик.
Где ж ты, боженька, наш Бог?
Обезьяньей шерсти клок
из последней склоки –
это что: жертва? – На алтарь! На алтарь!
Раскурили фимиам корки апельсиновой
в чашечке кокосовой, тёмной и старинной.
Это что? Месса? – Обезьянья месса!
Маленькие глазки, бисеринки-бусы.
«Научи нас видеть, Господи Иисусе!»
Капуцины снуют, бисер собирают,
лапки потирают.
Это что же? Глазки? Чёрненькие глазки?!
– Глазки, глазки.

Укутаюсь в кустах под шерстяною тканью
такого тёплого коричневого цвета,
какой бывает на полотнах Брейгеля
и душу согревает чужестранца
и соглядатая иных пустых миров,
как в зеркало волшебное глядящих
и припадающих:

«Средневековье!

Монашество!» ...

Да грязный снег, да ветки
уколами торчат, напоминая:
ведь ты живой, причастен не случайно
к такому прошлому, где люди-человечки
от Брейгелей да Босха. Их страданья
не вытерпеть, не снять тому, кто хочет
их рассмотреть и тихо встать меж ними.
И не хочу я проникать душою
и видеть это, видеть... Я слепой!
Иду и радуюсь с весёлой палкой
да с бубенцами, что сведут в могилу...
О, милостивый, милостивый Боже!
С жестокою улыбкой наблюдаю
за пляской плоских гномиков, как будто
они не мы, и никакого дела
нам нет до них, в то время, как кругом
der Garten Eden и его возня.

Кирпично-красный мой привычный Кранах
и черноватой зеленью влекущий,
и разлетаются олени в кущи
под арбалетом кисти. Право, странно:

вот - складчатый наряд темно-болотный,
батист рубахи белоснежной шёлка,
и перьев страуса заманчивая чёлка
под глазом оникса кивает мимолётно.

У алтаря прелестной Катарини
стоит палач, и меч из нежных ножен
любовно и замедленно – не может,
уже который век поднять не может...

За трапезой сидят Максимильяны
столов добротных. Доверительные позы,
овечьи волосы, улыбочки-занозы,
должно быть, по-немецки полупьяны.

А целомудрие твоих сюжетов женских? –
Лукавые, развратные фигуры,
такое чувство, будто от природы –
волос остатки, ногти-заусенцы.

А благодушие убийственной Юдифи?
А бюргерски - борцовский бык и Лютер?
И – ренессансом подбородки круты,
и реформации уже назрели мифы.

Дети поливают дерево вином и молоком,
и на них смотрит небо: участливо и невинно.
Что за райские плоды принесёт эта осень,
и кому доведётся их отведать?

В манере Бёрдсли, мягкой и павлинной,
в точёных профилях и жгучих волосах
я нахожу изысканного вкуса
и искушения не всем доступный танец.

Кто помнит правду огневых колец?
Звук медно-золотой большого блюда?

- Я, очевидец, паж Иродиады,
застыл, невидимый, в рисунке спелой тушью
и созерцаю, только созерцаю...
Гранат, вино, поющие рубины...

Сады Семирамиды

О, сколько воздуха и возгласов колышат
воображенья вогнутые дуги
с корнями свившимися пальцев и дерев.

То меж корней они, протяжные лианы,
спускают вниз фонарики и ноты,
гирлянды астр задумчивых и колких
и гроздя лёгких медоносных люстр...

Раскачивая дивные качели,
легато нижнего небесного регистра,
соединяются заоблачные гаммы
в аркады лунных призрачных садов.

Медные всполохи тёмного времени,
старая мельница тминного семени,
пола седая зола,
липкие сети тенёт под навесами,
солод тягучий, землистое месиво
скука на стол подала.

Не остановится прялка скрипучая,
серою нитью кудели закручены,
щурится окон слюда:
там, над лесами, кресалами кремния
- медные всполохи странного времени –
теплится солнца скирда.

Опалённые перья, полёт, золотые глаза -
это солнце в зените немого осеннего крика
разрывает на части святых и слепых образа
и кидает добычу, играя с пантерами дикими.

Ты не бойся пойти-посмотреть: это - тень, это – свет.
Ночь Грифона для узника в белой парче не настанет,
и горит в синеве утолённое жертвами пламя,
и кидает заблудшим зрачки золочёных монет.

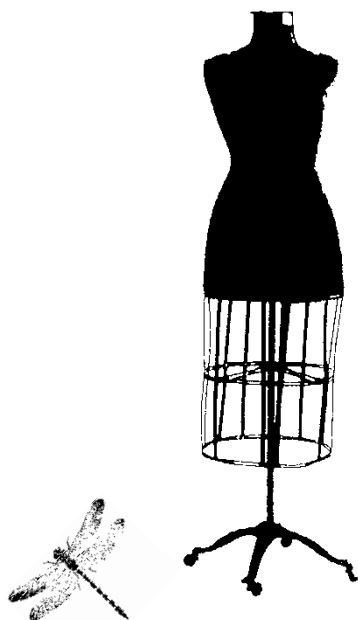
Ты пронзил тишину
и тоской наградил,
и избавил меня от свободы.
Двери настежь открыл
для подрезанных крыл
и – удара. О дно небосвода.

Наспех скрученный жетон.
Видит Бог, что всё напрасно.
Снег идёт, а небо – ясно.
День со смертью обручён.

Сон вчерашний, чёрный, серый,
будет в слякоть поражён:
у заплаканных княжон
превосходные манеры!

А садовник у куста
славит цвет чертополоха.
Он везде растёт неплохо.
Жизнь материи проста.

В золотых острокрылых ветрах,
в невесомости медленной песни,
в эктоплазме лесов
и в ладонях сиренево-млечных
предвечернего, бледного неба,
и в медовых плодах смоковниц,
и в кружении шёлковом дервишей,
вызывающих дождь,
и в тягучем вине вождедений
ты меня не узнал.
Я – твоя запоздалая осень.

Молитвы, шёпоты на паперти любви,
движенья, онемелые от стужи,
ресницы в инее, пустот застывших лужи
и оттепель у рта. А визави

такая ночь, что тысячею глаз
не доглядеть облобызавших землю,
прижавшись к ней и терпеливо внемля
дыханью неба: Бог, услыши нас!

В застенке мыслей медленная лень
вращает колесо старинной прялки.
И нить суровая - ворсистый серый лён -
ложится плотно скрученной спиралью
на памяти моей веретено.
Простоволосой,
в холщовом рубище, с озябшими ногами
сижу, сама кручу, стирая пальцы,
и хочется воды. Кругом темно,
и лишь лучина трудную работу
трескучим пламенем, янтарною слезою
в ночи приветит. Земляная влажность
наощупь дышит близостью реки.
Туда б упасть и плыть, отдавшись силе,
лицо, как вызов, бросить небесам
и, слизывая соль полынных волн,
целующих уста, взмахнуть руками
крылатой мельницы и - воспарить в тумане.
И думать лишь о том, как лилий стебли,
что прочным корнем крепятся ко дну,
хоть и длинны, несут дневные звёзды.

Когда кони ржут и трава томится,
будто дым течёт, и ночная птица
молодым крылом ветры умиряет,
выходит на реку цыган, цыган.
Он умывает золотые руки,
склоняет долу чёрное лицо
и думает о девушке ночей,
что движется неслышными шагами,
на землю звёзды неба осыпая.

Вошла невеста в дом раззолочённый
и пальцы опустила в синеву,
и пролилась фата её слезами,
окатывая плечи молодые.
И, к зеркалам дыхание приблизив,
смутилась, очи долу. В этой грусти
запела долгим голосом грудным
о жаркой яви, полудённой птице
и о венце, сияющем огнями.

У тополей раскрашенные веки,
зелёные, раскосые глаза.
В карете едет запоздалый вечер,
колёс на небе бледная межа.

Закручивая облачные вихри
возница гонит ветер и коней.
Ладоней лунных капли, слёзы, их ли
в созвездия вплетает Водолей? –

Забытые сиреневые чётки.
В тишайшем парке снежные скамьи.
Ночная птица стряхивает нотки
с крыла к подножью Цезаря Кюи.

***

С крыла, к подножью Цезаря Кюи,
ночная птица стряхивает нотки.
В тишайшем парке снежные скамьи.
Забытые сиреневые чётки

в созвездия вплетает Водолей,
ладоней лунных капли, слёзы их ли?
Возница гонит ветер и коней,
закручивая облачные вихри.

Колёс на небе бледная межа.
В карете едет запоздалый вечер.
Зелёные, раскосые глаза
у тополей. Раскрашены их веки.

Настал неторопливый день.
Забытый свет скисающего полдня
лежит в закрытой комнате на досках
по-деревенски крашеного пола.

И только воробьи спешат,
их звуки в тающем мороженом и мяте
кичливо отцветающего сада
провинциально резки и пусты
как солнечные лёгкие шелушки.

Всё воск и лёд, всё ласточкины гнёзда
- парение паломницы-души.
Рельеф миров в полузабытом прошлом
Тибета повторяют миражи.

Ласкает плёс сиюминутной жизни
воздушных замков заданный формат.
Сон пустоты. И смотрит с укоризной
даритель терний, мирра и стигмат.

Что рай? – Беспечных горлиц воркованье?
Медовый сердоликовый покой?
- Дионис падает... Знак созиданья.
И след гепарда теплится Звездой.

Гляжу в окно на медленную воду,
ползущую по замшевым газонам,
по жухлым травам, гравию дорожек
и липким от дождя
охрипшего стволам.

Звонят натяжным ультразвуком лужи.
От мороси слегка слепящей спят
глаза остановившиеся птиц,
сидящих неуверенно на ветках.

И с недоверчивым прищуром листья
неслышно плачут, паутины тянут
от душных туч к натруженной земле.

Тополя с серебристой листвой,
то – полёты среди зимнего лета,
то – метели над тёмной водой.

Тополя. Подойти и обнять.
Только снег на земле пеленою,
только время, текущее вспять.

Минареты деревьев в зелёном тумане лесов.
В настороженном времени снов уходящего лета
нависанье и близость в себя погружённого света
и текучее небо, и тишь предвечерних часов.

Медоносных туманов снега, их курение, тление –
это белые птицы озёр, это крыльев метель,
это сосен седеющих шум, источающий хмель,
это серые сумерки, ветер и пепел, и пение.

О, руки серебра, ведите в ночь,
ресниц коснитесь, горькой хризантемы
и лунной лютни струн. И, улыбнувшись немо,
заснёт моя печаль, тоски седая дочь.

А завтра день небес дарует детство!
В потоках радости живого хрусталя
качнётся медь, закружится земля:
лазури смех и цветников кокетство.

Я буду жить и петь, вплетая в колесницы
свои цветы упрямою рукой.
И пенные стада тягучих туч,
как солнца влажные ресницы,
отпрянут. Медленным веслом
по аромату трав, по зарослям, по веткам
пройдёт дыхание бескрайнее ветров.
И обморок Луны на ярком небосклоне
лимонной каплей освежит напиток
до боли голубых озёр. И голубиных,
глубинных крыльев бриз я стану осязать,
и птичьи речи слушать, и мечтать,
и небу близкому свои подставлю плечи.

Говорят, даже время не вечно
на досчатой ладони тибетца,
и догматы небес провисают:
ах, когда его снимут с креста?

И вместилище снов быстротечно
наполняется тяжестью млечной,
но прослойка давлением встречным
бесконечного неба – тонка!

Звукопись мыслей. Тиснёный сафьян.
Слов корабельность с плавною просинью.
Плотный пергамент старением пьян,
подслеповато-воздушною осенью.

Ломкое тренье прогоркших листов,
замерзших веками и веками,
патиной взглядов, патиной снов,
патиной мыслей с чернильными метами.

Цепкими лапками из-под пера
буквы выводятся верой и гладию.
Строгий узор. Книга легла
вечностью, силою, памятью, кладезью.

Там, наверху, седые паруса:
испарина морей зависла солью,
щипковых струн, натёртых канифолью,
скрипично-клавесинные леса.

Раскол небес, где веточки огня,
падение вод в базальтовые чаши,
и – ветра палаши по шерсти пляшут,
под сталью чёрный омут хороня.

Но гематиты вогнутых зеркал
под скорлупой сферичною хранимы,
когда торнадо пронесутся мимо
и воссияет солнечный оскал.

Забывтый гром преображённый,
затихший на покое вечном,
и отшумевшие потоки
над ним сгущающихся ливней,
и перевёрнутое небо,
как чаша солнечных молений
и молний, падающих сверху,
глубоким «о», открытым глазом
мерцает, силу предвещая.
Ветрами синими омытый
стоит и теплится в покое
иль плачет алыми слезами,
моря и земли сотряся.

Опять из сахарного плена
летит в ночные ковыли
и поджигает корабли
стальным лучом, бенгальской пеной.

Гламур и всполох, сор слюды,
и равнобедренный осколок
одним замедленным уколом
дыханье рвёт – и пляшут льды.

Их раскалённый взор опасен.
Улыбка ранит нежный рот:
то циферблата оборот
движеньем стрелок вспять украсит

прапамять дымного стекла
живых и влажных кабошенов,
и равновесно, отрешённо
качнётся и исчезнет мгла.

У королевы ос полуденное жало
жары вонзилось в кожу апельсина.
Часов бегущих стёрты мокасины
о гравий препинаний без начала

и без конца. Таков урок отмерян:
до блеска шлифовать игривый жребий
и долю очертить себе в полнеба,
чтоб звёздной крошкой берег был усеян.

Но не доплыть под жизни жадным зноем:
как за руном недремлющее око
рептилии глазеет одиноко, -
так раскалённы миражи покоя.

Фрегат в солёных парусах.
Молочная по цвету ткань,
пропитанная штормами и солнцем.
Полированное чёрными руками
дерево бортов, высотность мачт,
скрипящих и выгибающихся
под действием тяжести.
Сусальное золото отделки
и ужасающе-нежный лик сирены,
несущей судно, как чашу.
Вы видите её глаза?
Веки, окрашенные киноварью?
Древесное лицо настолько чисто,
что жизнь его напоминает смерть,
а сам корпус фрегата – её гигантские крылья.
Но волосы кОры, с фальшивой красотой уложенные,
пухлость двойного подбородка,
складочки на шее, на руках – гедонические,
с лепнины театральных лож.
Взгляд, устремлённый выше горизонта,
просительно-беспомощен,
а груди божественной девы,
их заострённые конусы,
дают надежду на счастье и покой
при жизни или уже там, за краем.
Рассекая собой волну,
несёт сирена корабль
к атоллам и островам,
где прибрежный песок, как мука,
где в гротах хлопает и булькает вода,
где ерошатся от морского бриза пальмы,
где шоколадные туземки

с длинными и узкими ступнями
поднимают на голову
плетёные корзины и сосуды
и смотрят, улыбаясь,
то на мускулистых матросов,
то на деву морскую,
приведшую их сюда.

Кора рошрума

Взглянула с корабельной высоты
на волны силы, что несут течение,
и падала, коснувшись горизонта
стопами света Ашвинов, в пучины
бескрайности, сворачивая время.

Но соль моих волос – от облаков,
но тень полнощная в глубинах океана
пронизана зернистым током звёзд,
там, наверху, где нет веков – лишь миги,
и солнца бертолетовую дрожью
в своём непрекращающемся взрыве
застыли и кидают языки.

Надводие зеркал натяжной плёнкой
на грани сна меня остановило,
на глади лезвия над тьмы безумным зевом,
и я очнулась и глотнула сини
из неба темени, из медной чаши жизни.

И проплывали серые столетья,
и взламывали ложь своих зеркал
на утреннем малиновом исходе.

И наполнялся воздух пустоты
неугасающим единством звука
там, где туман лизал ещё причалы
и отступал, лиясь, пред ликом яви.

**Коронованный солью морскою,
Лазуритом пучин и высот,
Облаков меловые бемоли
Добавляет в мелодии вод**

**Для бегущего пенно и струнно
Елизейского бриза. Весна
Баркароллы сиренево-лунной,
Южной арфы тугая блесна.**

**Светлый мёд, карамель сердолика
Собирает для сонных сирен,
И – сияет симфоний палитра!
(ДЕБЮССИ. Не сравнимый ни с чем!)**

Ветра веер волны вышивают.
Времени велюровая вязь
сном стекляруса седеет, снеговая.
Соль сирени свитками срослась.

Бертолетово-белёдые барханы
бороздят безбрежность. Бисер брызг!
Шалые, шершавые шерханы
щерятся, щетиня шкуры: «Шшшшиссс...»

Под мостом это гулкое пенье
и, готически, сводами вод
изгибаются лиги кореньев
в перфорации каменных нот.

И стальными текут обручами,
упираясь отвесами век,
и ласкают слепыми волками
синевы быстротечный разбег,

и в цепях, мимолётно целуя,
замирают, прижавшись к щеке,
губы ветра. И - ржавая сбруя
на речном мускулистом виске.

О, айсберг в глубине своих ночей!
О, плотное нагроможденье света,
скользящего зазубренным стеклом
в воде веков, в безмолвии великом
кромешности, где правят руки ветра.

Ты, лучезарный, в море серебра,
отверженный Луной, её осколок,-
нет, не сияешь, но паришь в огне,
где нет путей, и звёзд глаза угасли
под тяжестью базальтовых небес.

Плыви, титан, непокорённый утром,
но только красок розовый отлив
в текучих зеркалах своих надводных
на миг останови и раствори,
оттачивая линий совершенство,
даруя блеск и отражая солнце.

Танцы белых волков. Наверху разбегаются волны.
Индевет лицо. Метких прутьев упругая сечь.
В альвеолах души разливается гелий – не больно –
и бежит ультразвуком морозная детская речь.

Щёки яблочек горят, и зрачок над каминным угаром
прямо в небе колючем находит слезу и звезду:
этот белый полёт, это гончее счастье – не даром!
Синим звоном блесны я в ладони твои упаду!

Сивых северных снов в одеялах пуховых утеха
раздробит хрустали до молозива розовых зорь,
и в весёлой стране беспричинного детского смеха
затеряемся бликами! Сердце, биенье ускорь!

Монолог пациента

«Ужасный век, ужасные сердца»

А.С. Пушкин

«Как молодой повеса ждёт свиданья
с какой-нибудь развратницей лукавой
иль дурой, им обманутой, так я...»

Я прихотлив, и зрелища иного
не надо мне. Знаком я много лет
с самим собой, безудержно любимым.

Я – милое уродство, я – родство
материи, столь жадно мне желанной
и духа первородных наслаждений,
с рождения от Господа мне данных.

С тех давних пор питаю сам к себе
я дивную, порочащую страсть,
но никогда не разожму объятий.

Я сам – анатомический театр.

И вот: стою. Вот мой грудной корсет,
а плоть моя – натянутое платье,
так, если близко посмотреть,
из радужных чешуек

и ворса шелковистого. Люблю!...

я сам себя. И сам себя лелею.

Куда как мягко, наземь если лечь,
мне тело обеспечивает ложе,
на досках даже. Я такой живой!

И кровь моя, темнея, согревает
Она несёт в себе остатки пищи,
отбросы липких кровяных телец,
венозная, тяжёлая и злая,

познавшая все тайны естества,
она стократ дороже мне взрывной
и дикой удали артериальной.
И отпечаток печени хранят
вишнёвые тяжёлые глаза,
налитые таким свинцом и влагой,
как винное горячее питьё.
Я здесь! Я сам с собой всегда-всегда!
Я, как любовник, с телом не расстанусь,
хочу себя я вечно видеть, слышать,
воспринимать... Я царствую собой!
И стану я считать удары пульса,
тугие, животворные толчки
и кванты поршневых твоих механик,
о, Господи! Откуда эта власть?!
Сам над собой я трепещу истомно,
рассматривая пальцы этих ног,
и нечто беззащитное такое,
и жалость к оттопыренным ступням
вдруг проникает в душу, и органно
рыдания мне сотрясают грудь.
В слезах познал я смысл соединенья
себя с собою, Бога и Земли,
И вот: лечу душой себе на встречу
на этом празднике любви, меня во имя!
И распустились веточки цветов
иль мягких водорослей водных в лёгких,
и всё живёт: все трубки и кишки,
и странность, струнность этой нервной ткани,
волокон, сухожилий... Дорогой!
Я, дорогой мне человек, безумец,
страдалец нежный, томный властелин

своих страстей и страж земного клада,
ищу на небе кровное родство.
Лишь только там блаженному отрада.

Кузнечик мой, кузнечик, не молчи!
Зелёною, весёлою волною
тебя накроет травяное море
и васильки.
Всё в торопливой песенке твоей
улыбчиво. И, наполняя летом,
пыльцой звенящей в воздухе нагретом
беспечных дней,
ты правишь временем, его остановя,
живёт мгновением и в забытьё у зноя
зелёная душа травы, прибоя...
Живёт любя.

Белые верлибры

Подошёл кто-то белый
с лицом клоуна
и спрашивал странные
и глубокие вещи.
Зима затянулась.

”Ах, ну, отчего же белый?”-

Возразила дама,
затягивая на шее
удавку жемчужных бус.

”Утро режет глаза.

Притворяюсь беспечною, спящей.

Протянуть этот миг, протянуть
до удара открывшихся окон и глаз
в электрический мир. А пока...
белый звук осторожного солнца,
по шершавой стене стекающий.”

Не видящий белых кораблей
не может плыть.

Одна лишь белая канитель
качает на ветру

быстроходные вихри речного тумана.

Маятник.

Рисование дуг и спиралей,
белые клубки,
зависающих в воздухе мыслей.

Относительность.

Предположение.

Белый лист бумаги.

И плач родившегося.
Опять, уже в который раз,
этот плач родившегося
в Белое Воскресенье.

Младенец

разрывает своим криком
тишину вечной парадоксальности.

Он, мудрый, ищет белого забвения,
касаясь ресницами яви.

Меня, формирует пространство
неумелыми движениями,

и дыханием своим

отогревает округлые формы

улыбчивых возможностей.

Белый шёпот между белыми деревьями
от мучного воздуха Луны.
И – опять тишина кромешная.

Белые угли бывают в зазеркалье.
Также белые пантеры
там избегают встречи
с долгими взглядами
белых небес.

У белой коровы были
совсем голубые глаза
и рог от Луны опаловой.
И, знаешь, она была
беременна летней грозой.

Белый? – как сон,
который ты хочешь увидеть.
Белый? – как зверь,
роскошное чудовище,
ползущее в закоулки памяти,
тормозящее самые интимные чувства.
Белый - это свет.
И тот, и этот.
И, главное,
он ничего не отрицает.

Белый, бороздящий океаны шторм,
никогда не перестаёт,
как та любовь,
которая пахтала землю.

Белыми брызгами одетый ветер
никогда не унимается
и ласкает своим острым языком
прибрежные округлости дюн.
Всё осыпается тягучими песками.

Вечные улыбки узких глаз
на белой штукатурке
рисовых лиц –
вот весна первоснежная саккуры,
вот оно, молоко запоздалое слёз
и бороздки, как тропы в бескрайней пустыне.

Шёлковые крылья белого ангела,
в воду опущенные,
опутанные белой водорослью,
пересыпанные хрустящим маком соли –
отлив души.

Белые озёра белыми глазами
стряхивали снежные завесы
с ресниц опустевших лесов.

Красные верлибры

Щурит глаз из-под красных ресниц,
топит лес в облаках закатных
в дыме горьком осенних пожараищ.

А своё обожжённое сердце
в океана пучину кидает,
растекаясь расплавленной плазмой.

Красный уголь – глаз золотого дровосека-
прожигает сосны, плачущие янтарём,
то тёмным как кровь и тягучим,
то светлым, как солнечный мёд.

Подушечки гвоздик. Дискретные стебли.
Запах, в который хочется опустить лицо.
И засмеяться тем красным смехом,
окрасившим губы жирной помадой удовольствия,
тем красным смехом, каким смеются
лишь на рисунках Тулуз-Лотрека,
придерживая праздничные юбки.

Красные опахала кораллов,
морскими касаниями распугивающие
дремлющих медуз.
Красные веера декоративных рыб,
их китайские танцы
среди хризантем- актиний.
Кисточки, вуали, маскарады...
То чопорно-галантные,
то приторно сладкие
в солёной от солнца воде

Жертва и мудрость.
Зёрна граната в ладони.
С руки дающего
красными нитями стекает сок.
Стигматы души.

Как нетронутый берег
волнами тоски и забвенья,
как открытые губы
навстречу ли солнцу ночному
или звёздам, проросшим
на тёмной твердыне небесной
я промедлю, за волосы времени
свет притянувши,
и, как будто живым одеянием,
тихие пчёлы рассвета
облачат мою душу.

У ночи был всегда любовник – день.
Он уходил от суеты велеречивой
надменных мудрствием лукавым городов,

он шёл в поля, где губы полны зноя
и где дыхание колючих злаков,
где васильки свои кидают взгляды
на небо безоглядное и берег.

Там забывался он в бреду и грезил
далёк, как горизонт и сон-оазис
об утоляющей колодезной воде
и в сини отражающихся звёздах.

Речного паруса воздушный, белый профиль
под силой ветра вверенный волнам.
Под сенью сосен – тишь и мёд, и осень,
хмельное марево, смола и фимиам.

А в далеке солёный моря танец
оттачивает пенную резьбу,
и песня ветра тянется и манит,
и изменяет гордую судьбу
речного паруса.

Одевалась корой вощанóю,
оплетала упрямые ветви
белым войлоком белой луны.

Умывалась зелёной водою
и кидалась шальными лучами
по упругим озёрным мишеням.

Молоком облаков поливала
земляничные мелкие листья,
голубые льняные поляны.

Взглядом след оставляла молочный
над водой и в болотных низинах
для круженья ночных мотыльков.

Касались паццами, писали письмена,
ступали на воду и пели, пели,
и видел нас старик, листвою вяза
лицо своё укрыв. И он был - вечер.

Колодец снов, раскидывая блики
по глади камня, слушал, долго слушал.
На глубину кидали поцелуи,
тянулись до его ночного солнца.

И застывали, обратившись в пену
черёмух горьких, золотой корицы,
застав себя в расплох в его объятьях,
лучились, таяли, летели и лучились.

Оглавление

Ночная дорога...	6
Из пустоты...	7
В круженье каруселей...	8
Неутолённый взгляд...	9
Разложим комнату...	10
И рыба-солнце...	11
Ракушек скорлупу...	12
Снежный наст...	13
Рассматриваю руки...	14
Растраченный в долине плача...	15
Кто научит меня летать?	16
Двенадцать лет...	17
На том стоим...	18
Задумал тайну...	19
Светало...	20
Как элементы...	21
Небесных свеч...	22
Пульсация...	23
И вот, сажу я...	24
Капуцины...	25
Укутаюсь...	26
Кирпично-красный...	27
Дети...	28
В манере Бёрдсли...	29
Сады Семирамиды	30
Медные всполохи...	31
Опалённые перья...	32
Ты пронзил тишину...	33
Наспех скрученный жетон...	34

В золотых острокрылых ветрах...	35
Молитвы...	36
В застенке мыслей...	37
Когда кони ржут...	38
Вошла невеста...	39
У тополей...	40
Настал неторопливый день...	41
Всё воск и лёд...	42
Гляжу в окно...	43
Тополя...	44
Минареты деревьев...	45
О, руки серебра...	46
Я буду жить и петь...	47
Говорят, даже время не вечно...	48
Звукопись мыслей...	49
Там, наверху...	50
Забывтый гром...	51
Опять из сахарного плена...	52
У королевы ос...	53
Фрегат...	54
Кора рострума	56
Коронованный солью морскою...	57
Ветра веер...	58
Под мостом...	59
О, айсберг...	60
Танцы белых волков...	61
Монолог пациента	62
Кузнечик...	65
Белые верлибры	66
Красные верлибры	80
Как нетронутый берег...	85
У ночи...	86

Речного паруса...	87
Одевалась корой воцанюю...	88
Касались пальцами, писали письмена...	89